

ВСТРЕЧА С МУСЕВЕНИ

УИЛЬЯМ ПАЙК

В июле 1984 г. Уильям Пайк, как он пишет, прошел 150 километров на запад от Кампалы, чтобы встретиться с лидером наиболее активной оппозиционной правящему режиму военной группировки, Армии национального сопротивления, - Йовери Мусевени, которого «никто не видел три последних года». И вот его рассказ*.

Йовери Мусевени, вице-председатель Движения национального сопротивления (ДНС), а также председатель верховного командования Армии национального сопротивления (АНС), военного крыла этого движения, сидел на складном деревянном стуле, стоявшем перед хижиной прямо на утопанной земле.

Поднявшись мне навстречу, Мусевени протянул руку, и мы обменялись рукопожатием. На нем была поношенная, изрядно выцветшая камуфляжная куртка Армии национального освобождения Уганды (АНОУ, правительственная армия. - *прим. ред.*), скорее всего трофейная, одетая на белую рубашку с короткими рукавами. На голове - такая же камуфляжная кепи, на ногах - высокие до колена брезентовые сапоги цвета хаки со шнурками до колен. Он выглядел немного располневшим по сравнению с той фотографией, которую я видел в 1980 г.

Присев на скамейку, я вытащил магнитофон и начал, было, задавать свои вопросы, но Мусевени тут же прервал меня:

- Расскажи мне сначала о себе.

Я объяснил, что родился в Танганьике, в семье чиновника колониальной администрации. Работал в местных периодических изданиях, а также печатался в английском журнале *Обсервер*. Сказал, что среди моих угандийских друзей - такой известный юрист и политический деятель, как Эрия Kategaya**, что меня всегда волновала проблема обнищания африканских народов.

Мы проговорили весь день, переходя время от времени с места на место, чтобы укрыться от знойного африканского солнца. Я сделал несколько снимков, которые потом часто публиковались в угандийской и зарубежной печати. На одной из них Мусевени стоит перед сплетенной из веток и покрытой дерном хижиной, на другой - склоняется над картой, на третьей - беседует со своими соратниками, и на каждой он выглядит как типичный партизанский лидер. Самым замечательным, что оказалось запечатленным на фотографиях, это выражение его глаз, его рассеянный взгляд, взгляд мечтателя, идеалиста, революционера.

* Публикуется с некоторыми сокращениями.

** В настоящее время Эрия Kategaya - первый заместитель председателя Совета министров Уганды и министр по делам Восточноафриканского содружества (*прим. ред.*).

«Мы сражаемся, несмотря на нехватку людей и снаряжения. Режим Оботе не продержится дольше четырех недель, - доверительно сообщил он мне. - Наши вооруженные силы ничуть не слабее правительственной армии. В ней больше 39 тысяч солдат, но они совершенно небоеспособны. Даже те из них, кто хоть немного обучены, ищут любой возможности, чтобы дезертировать. Никто не хочет гибнуть в этих дурацких вылазках. Дурацких, потому что они понятия не имеют, где мы скрываемся, и никогда нас не найдут. Мы умеем хорошо скрываться на местности. К тому же нас поддерживает местное население».

В опубликованных мною после этой встречи материалах я писал, что АНС насчитывает около 6 тыс. человек, половина из которых не имеет оружия. Эти данные я почерпнул из бесед с солдатами Мусевени. Они рассказали мне, что их армия имеет штаб-квартиру, несколько военных лагерей, а также тренировочную базу на севере страны. Позднее из других источников я узнал, что эти данные верны.

По словам Мусевени, АНС действует в зоне 7 тыс. кв. миль, полностью включая округа Лувиро и Мубенде, значительную часть Мпиги и Муконо. Кроме того, его бойцы совершают периодические вылазки в округа Масинди и Хойма (все указанные районы расположены в юго-западной части Уганды. - *прим. ред.*).

«Конечно, это всего лишь 10% территории Уганды, но главное то, что наши лагеря расположены внутри собственной страны. Когда мы сражались против диктатуры Иди Амина (правил страной в 1971-1979 гг. - *прим. ред.*), основные базы АНС находились за пределами Уганды, в Танзании. Это создавало определенные проблемы, и не все шло гладко. Дело в том, что даже если страна вашего пребывания относится к вам по-дружески, все равно вы становитесь заложником ее правительства.

С военной точки зрения, нет особой необходимости контролировать обширные территории. Главное - сохраняя свои силы, одновременно ослаблять противника, уничтожая его воинские части и захватывая его вооружение. Еще очень важно подрывать репутацию противника, мешать его дипломатическим маневрам с целью получения поддержки из-за рубежа. А об армии, которой это удастся, с полным основанием можно сказать, что она одерживает победу. Так что контроль территории - дело вторичное. Это произойдет само собой, когда мы одержим окончательную победу».

Прямо противоположную оценку ситуации дает правительство Оботе, которое называет DNS не иначе, как «сборищем бандитов». С ним согласны Великобритания и ряд других стран. Мне довелось присутствовать на брифинге, который в лондонской Торговой палате давал британским бизнесменам торговый представитель Англии в Кампале Ноэль Джина. Он полностью игнорировал существование АНС и закончил свое выступление высокопарным заявлением: «Я в восторге от Уганды!»

Наивность Джина прости́тельна: он всего лишь озвучил точку зрения своего правительства. Гораздо большее сожаление вызывает та поддержка, которую оказывал правительству Оботе амбициозный американец Коул Додж, глава представительства ЮНИСЕФ в Кампале. На пресс-конференции в клубе журналистов стран Британского содружества он, в частности, заявил: «Уганда переживает хорошие времена. В стране соблюдаются права человека, а присутствие партизан почти незаметно».

Сотрудники этого международного агентства изнывали от скуки и безделья, а потому им жизнь в Уганде казалась прекрасной. Отбиваясь от назойливых журналистов, Додж утверждал, что «правительство укрепило контроль над вооруженными силами».

Нетрудно было догадаться, почему представители ЮНИСЕФ и других международных организаций по собственной инициативе создали эту пресс-конференцию, выступив на ней с подобными заявлениями. Они прекрасно знали, что ситуация в стране продолжает ухудшаться, а положение дел с правами человека оставляет желать лучшего. Просто Оботе имел влиятельных друзей.

Тем интереснее было слушать, что говорил Мусевени:

«Оботе лжет, когда утверждает, будто с партизанским движением покончено. Весь прошлый год он пытался держать нас в окружении, чтобы уморить АНС голодом. До 80% всех вооруженных сил АНОУ были сосредоточены в районе нашей дислокации, каждые четыре мили и на всех дорогах стояли их посты. Наглядным свидетельством того, что его план провалился, послужило наше наступление на Масинди».

«Я не знаю точно, когда родился, - продолжал Мусевени. - Судя по всему, это произошло в 1944 году. Родом я из округа Анколе, что в Западной Уганде. Мой отец не умел ни читать, ни писать. Я был его старшим сыном. У меня были брат и сестра. Кроме нас, у отца было еще семеро детей от другой жены».

Мусевени опроверг слухи о своем королевском происхождении. Он рассказал, что в Анколе проживают две касты (так в тексте. - *прим. ред.*): *бахима*, или скотоводы, и *байру*, занимающиеся земледелием. Члены обеих считаются людьми незнатного происхождения, а высшей, правящей кастой являются *бахинда*, проживающие на севере округа Анколе и в южных районах округа Башамба.

Семья Мусевени жила в достатке. «Мы жили в большой хижине, и у моего деда было 700 голов крупного скота», - с гордостью поведал мой собеседник.

Его родители исповедовали «возрожденство», одну из разновидностей христианства, последователи которой отличаются своим миролюбием и доброжелательным характером. Своих детей они воспитывали в духе высоких моральных ценностей, объясняли, как важно получить образование. И уже следующее поколение преуспело в бизнесе и других сферах деятельности. Примечательно, что родители очень многих руководителей АНС также принадлежали к «возрожденству».

В старших классах школы Мусевени стал интересоваться политикой, вступив в местный дискуссионный клуб, а также став членом Союза евангелис-

Йовери Мусевени

тов, поскольку к тому времени он уже принял христианство.

«В начале 60-х мы часто спорили с европейскими миссионерами, пытавшимися убедить нас в том, что истинный христианин не должен заниматься политикой. Это были годы обретения независимости, и мы категорически не соглашались с подобными взглядами».

Успешно сдав выпускные школьные экзамены, в 1967 г. Мусевени поступает в университет в Дар-эс-Саламе. В те годы президент Танзании Джулиус Ньерере проводил политику опоры на собственные силы, пытаясь построить в стране *ујатаа* (суах., одно из значений - социализм. - *прим. ред.*).

«Я поехал в Дар-эс-Салам не только за знаниями, но и за политикой, - говорит Мусевени. - Одним из университетских преподавателей был Вальтер Родни, выходец из Гайаны, автор нашумевшей книги «Как европейцы превратили Африку в отсталый континент». Кроме него были и другие либерально настроенные профессора-европейцы. Некоторые из них пытались вырваться за пределы академической башни из слоновой кости и соединить образование с либеральным движением».

Вскоре Мусевени основал панафриканскую организацию, назвав ее Революционный фронт университетских студентов Африки, объединившую студенчество всех африканских стран. Некоторое время спустя, молодежный лидер совершил поездку в северную часть Мозамбика, в зону, освобожденную бойцами ФРЕЛИМО от португальского колониального режима. Мусевени не принимал участия в боевых действиях, но, приехав в 1969 г. на студенческую конференцию в Северную Корею, он решил, что ему необходимо пройти военную подготовку.

«Мне всегда хотелось научиться военному делу, - говорил мне Мусевени. - Я понимал, что только силой можно одолеть диктаторов, потому что сами они опираются на армию».

Тему своего выпускного диплома он озаглавил «Теория насилия Фанона. О чем свидетельствует опыт освобожденного Мозамбика». Франц Фанон - индийский психиатр, работал в одном из госпиталей в Алжире во время освободительной войны (против французских колонизаторов 1954-1962 гг. - *прим.*

ред.). Он утверждал, что применение насилия помогает колониальным народам преодолеть комплекс неполноценности. Когда вас пытаются или когда вы убиваете солдат колониальных войск, вы начинаете понимать, что колонист или колониальный чиновник такой же человек, как вы сами, что все ваши проблемы порождены колониальным режимом, а не вашей неполноценностью и не превосходством белого человека. Вы преодолеваете психологический рубеж и чувствуете себя освобожденными.

Дипломник подробно описал, как бойцы ФРЕЛИМО в ходе боев обретали уверенность в своих силах, как они вырастали в собственных глазах. Они перестали бояться португальских солдат и могли уже смеяться над их трусостью, их склонностью к грабегам и насилию. В освобожденной зоне воровство и другие виды преступности были сведены к минимуму. В значительной степени преодолен и трайбализм: люди с разных концов страны сошлись в одном месте, чтобы вместе сражаться с колониализмом.

Мусевени и пять его сокурсников отправились в Кабо Дельгадо, самую северную провинцию Мозамбика, где заместитель командира лагеря повстанцев научил их не только владеть оружием, но и помог им почувствовать себя настоящими бойцами.

Вот что писал Мусевени о будущем Уганды:

«Без революции, без социальных потрясений невозможно мобилизовать массы на борьбу... Другими словами, без жертв нельзя добиться фундаментальных изменений, точно так же, как невозможно перековать мечи на орала, не расплавив предварительно металл».

Тогда еще юный студент далее заявляет:

«Даже если вы настоящий марксист-ленинец и знаете, за что надо бороться - за освобождение от колониализма и построение социализма, - вы никогда ничего не добьетесь, не начав вооруженной борьбы».

Но к 1984 г. его взгляды претерпели изменения:

«Мы считаем, что доктор Ньерере напрасно национализировал маленькие лавки, в которых продаются парафин и спички. Он считает это социализмом. Мы же думаем, что он ошибается... Даже если вы отнимете у собственников все предприятия, вы не решите ни одной из основных проблем африканской экономики. Главная из этих проблем в том, что огромные ресурсы отсталых африканских стран перекачиваются в развитые западные государства».

«Уганде нужна смешанная экономика, - продолжал Мусевени, - в основе которой лежало бы индивидуальное сельское хозяйство, чтобы существовал средний класс, а в определенных секторах промышленности и торговли действовал частный бизнес. Госсектор тоже, конечно, нужен, но при условии, что он будет прибыльным. Одним словом, нам нужна экономика британского или скандинавского типа. Правда, сделать наше государство социальным у нас пока не получится».

Отношение Мусевени к социализму отличается известной двойственностью. Разделяя социалистические идеи как таковые: «я не против социализма», «я не говорю, что социализм плох», - он в то же время считает, что главная задача, которая стоит перед Африкой, - не построение социализма, а избавление континента от эксплуатации его сырьевых и трудовых ресурсов зарубежными странами.

«Поскольку мы националисты, нас считают радикала-

ми. На самом деле, наша программа не предусматривает построение общества, в основе которого лежали бы идеи социального равенства. Для нас сейчас главное - выстроить правильные отношения между нашей экономикой и Африкой, в целом, с западными метрополиями».

В 1970 г. Мусевени заканчивает университет и возвращается в Уганду, где начинает работать в администрации президента. С тех пор как в 1967 г. была принята новая конституция, Демократическая партия (ДП, крупнейшая из оппозиционных Оботе партий. - прим. ред.) находилась под запретом.

«Меня не особенно расстроил тогда этот запрет, хотя я и сожалел, что началось удушение демократии, - вспоминает Мусевени. - Я принял решение вступить в Народный конгресс Уганды (НКУ - партия, основанная и руководимая М.Оботе. - прим. ред.), чтобы, действуя изнутри, иметь возможность влиять на ход событий. Не могу сказать, что я особенно преуспел в этом деле. Оботе окружали подхалимы и приспособленцы, которые постоянно лгали ему. Именно они стали причиной его падения».

В результате военного переворота в январе 1971 г. к власти пришел генерал Амин. Английская пресса приветствовала это событие. Вначале некоторые угандийцы тоже отнеслись к нему благожелательно, поскольку Амин начал с того, что отменил чрезвычайное положение, освободил политических заключенных и распорядился вернуть из Великобритании тело *кабаки* (короля народа *баганда*, первого президента независимой Уганды. - прим. ред.) Фредди Мутесы, чтобы захоронить его в Уганде.

«На следующий день после путча я уехал в соседнюю Танзанию, - вспоминает Мусевени. - Для меня было оскорбительным жить в стране, которой управляет Амин. Я считал его шутком и фиגлярком, которому и в армии-то было не место, а уж управлять страной?! При нем Уганда потеряла свою независимость, превратившись в марионетку Англии и Израиля».

В Танзании Мусевени встретился с Оботе, который [узнав о путче] прилетел туда из Сингапура, где принимал участие [как лидер Уганды] в конференции стран Содружества. Для борьбы с Амином Мусевени предложил сформировать национальный фронт, который состоял бы из НКУ, Демократической партии и Кабака Йекка (*Kabaka Yekka* - на *луганда*. - прим. ред.), консервативной партии, контролируемой землевладельцами - протестантами округа Буганда.

«Сразу же выяснилось, что по целому ряду вопросов наши точки зрения с Оботе расходятся. По его мнению, для свержения Амина вполне достаточно сил, которыми располагает НКУ. Я же полагал, что организация, состоящая исключительно из сторонников НКУ, будет носить сектантский характер, в то время как нам необходимо создать подлинно освободительное движение. Для этого наша организация должна иметь как можно более широкую социальную базу. НКУ имела репутацию партии, костяк которой составляли последователи лично Оботе. Я не считал себя чьим-либо последователем. Моя жизненная цель - борьба за свободу моей страны. Какие могут быть последователи в XX веке?»

«Второе различие в наших подходах, - сказал Мусевени, - заключалось в выборе стратегии. Оботе предлагал начать обычные военные действия, т.е. вести традиционную войну. Мы же хотели развернуть чисто партизанское движение. Оботе не верил в партизанскую войну. У него

было какое-то неуважительное отношение к гражданам собственной страны. Он собирался использовать суданских, сомалийских и танзанийских наемников, которые должны были вторгнуться на территорию Уганды».

В конце концов, Мусевени и Эрия Kategaya создали Фронт национального спасения (ФНС). Они публично заявили о своем расколе с Оботе из-за разногласий - откуда следует вести борьбу с Амином: из-за рубежа или с территории самой Уганды. Небольшие группы будущих бойцов по 10-20 человек направлялись в тренировочные лагеря в Мозамбик. В сентябре 1972 г. ФНС начал партизанские действия на территории Уганды.

Однако президент Танзании Дж.Ньерере решил поддержать Оботе, и Мусевени был вынужден уйти из политики. В течение двух лет он преподавал экономику в одном из колледжей на севере Танзании. Однако уже в 1976 г. оставил преподавание и полностью отдался политической деятельности.

Около 60 молодых людей были отправлены из Уганды на обучение - сначала в тренировочный лагерь в южной Танзании, а затем переправлены в Мозамбик, в котором с 1974 г. власть принадлежала ФРЕЛИМО.

В октябре 1978 г. Амин превзошел самого себя: угандийская армия вторглась на территорию Танзании. Но уже в декабре того же года танзанийские вооруженные силы совместно с отрядами Мусевени и частями, сохранившими верность Оботе, отбросили захватчиков и 11 апреля 1979 г. вступили в столицу Уганды Кампалу. С режимом Амина было покончено.

Незадолго до этого, в октябре 1978 г., в Моши (Танзания) состоялась конференция, на которой различные группировки создали Фронт национального освобождения Уганды (ФНОУ) и временное правительство в изгнании (ВПИ).

После освобождения Кампалы временное правительство стало постоянным. Президентом страны был провозглашен Юсуф Луле, а Мусевени занял пост министра обороны. Оботе какое-то время оставался в Дар-эс-Саламе, но его сподвижник Поль Муванга был назначен председателем Военного совета (ВС).

С самого начала дела пошли из рук вон плохо. Очень скоро решением Национального консультативного совета, исполнительного органа ФНОУ, Луле лишился президентского поста, поскольку его правление становилось все более и более деспотичным. 7 июня 1979 г. на эту должность был назначен Годфри Бинаиса. Тем не менее, кризис продолжал нарастать.

От законности и правопорядка не осталось и следа. В стране свирепствовали грабежи, убийства и коррупция. Была запрещена деятельность всех партий.

11 мая 1980 г. Военный совет, взяв на себя всю полноту власти, устранил Г.Бинаису и снял запрет на деятельность политических партий. Несколько дней спустя, произошла перестановка в правительстве, в результате которой сторонники НКУ заняли 14 из 24 министерских постов. Э.Категая вошел в правительство в качестве министра торговли. В конце мая на танзанийском транспортном самолете в Уганду вернулся Оботе.

Мусевени как член ВС был подвергнут критике за то, что не воспротивился смещению Бинаисы. Но его сторонники утверждали, что у него просто не было другого выбора. Уйдя в отставку тогда, он оказался бы в полной изоляции и не смог бы позднее выступить организатором партизанского движения.

После прихода к власти Военного совета началось возрождение запрещенных партий. Более 10 тыс. митингов провели сторонники Оботе. Демократическая партия ответила на это гигантским митингом в Кампале.

Всеобщие выборы были назначены на декабрь 1980 г., а в июне того же года Мусевени создает новую партию - Патриотическое движение Уганды (ПДУ). Ее лозунгом стал девиз «Единство и честное лидерство!».

Однако и без того плохие дела пошли еще хуже. Последовала череда политических убийств.

Демократическая партия и ПДУ жаловались на то, что были лишены возможности пользоваться правительственным транспортом и доступа на радио, а также на то, что границы избирательных округов составлены таким образом, что ущемляют интересы ДП. Так, для севера Уганды с населением всего 2,5 млн человек Избирком выделил 58 парламентских мест, в то время как для 3,5 млн жителей Баганда, где наибольшей поддержкой пользовалась ДП, - только 38 мест.

В октябре 1980 г. в интервью газете *Manchester Guardian* Мусевени заявил: «Становится все более ясно, что НКУ решил захватить власть либо путем обмана, либо взять ее силой».

Власти всячески мешали проведению предвыборных митингов ДП и ПДУ, причем выступавших на них ораторов нередко просто уничтожали. По оценке корреспондента *Daily Telegraph* в Кампале, ежедневно в результате политических репрессий погибало от 50 до 100 угандийцев. Были убиты 40 выпускников военного колледжа в Мондули, сторонников Мусевени.

В ноябре, выступая на митинге в г. Масака, Мильтон Оботе сказал, что сколько бы он ни получил голосов на предстоящих выборах, власть должна будет перейти в его руки. В ответ Мусевени заявил, что если результаты выборов окажутся сфальсифицированы, он начнет партизанскую войну.

Это и произошло. Тем не менее, группа наблюдателей стран Содружества в своем отчете заявила, что выборы «были честным и полностью отражают свободно выраженные мнения и пожелания граждан Уганды».

Несмотря на царившее в день выборов насилие, явка оказалась очень высокой. Будучи уверенными, что ДП одержала победу, толпы людей вышли на улицы Кампалы, чтобы торжественно отметить успех своей партии.

Большинство угандийцев полагали: как только станет ясно, что, несмотря на все махинации, НКУ наберет меньше голосов, чем ДП, заработает механизм пересчета бюллетеней. Аккредитованные в Кампале иностранные журналисты также были уверены, что победила Демпартия, причем с большим преимуществом. Так, лондонская *Таймс* 11 декабря отмечала: «...Судя по всему, 5 млн угандийцев реши-

тельно отказали Мильтону Оботе в праве вернуться к власти».

Мусевени обещал, что в случае фальсификации результатов выборов начнется партизанская война. И он сдержал свое слово.

6 февраля 1981 г. вместе с 26 своими молодыми сторонниками Мусевени атаковал пехотную школу в г. Камамба. Но операция оказалась неудачной: танзанийский капрал пулеметным огнем заставил атакующих отступить. Мусевени и нескольких его бойцов спасло то, что им удалось реквизировать приехавший мимо автомобиль. Добравшись до расположенного в 100 милях от столицы небольшого торгового центра, он собрал местное население и объявил, что начинает партизанскую борьбу против диктатуры и несправедливости. После этого Мусевени исчез в засушливых холмах саванны...

Мусевени и его соратники назвали себя Народной армией сопротивления. Их первые тайные лагеря были созданы в лесной местности неподалеку от Кампалы. Поначалу главной задачей было привлечь как можно больше сторонников. А также - вооружить их. С этой целью они время от времени нападали на полицейские участки и армейские патрули.

«Мы могли бы начать боевые действия сразу после выборов, - сказал мне Мусевени. - Все дело в том, что мы ждали обещанное некоторыми странами оружие, но так его и не получили».

В июне 1981 г. Мусевени в поисках международной поддержки совершил поездку в ряд зарубежных стран. Там он встретился, в том числе с бывшим президентом Юсуфом Луле. Вскоре в результате несколько искусственного объединения самых разношерстных сил была создана Армия национального сопротивления (АНС) и ее политическое крыло - Движение национального сопротивления (ДНС). Его председателем стал Ю.Луле, а Мусевени - заместителем председателя ДНС и председателем верховного командования АНС.

В декабре Мусевени вернулся в Уганду, так и не получив какой-либо серьезной поддержки из-за рубежа. Оботе же не придавал особого значения появлению АНС.

В конце 1982 - начале 1983 гг. АНС с помощью [созданных по инициативе Мусевени] «комитетов сопротивления» в контролируемых ею районах попыталась создать освобожденную зону, но это только спровоцировало целый ряд жестких мер со стороны правительственных войск. Отрядам АНС пришлось в спешном порядке уйти, а гражданское население в страхе бежало искать спасения в лагерях Международного комитета Красного Креста. Многие из них погибли, прежде чем их достигли, другие нашли свой конец уже в самих лагерях.

В начале 1984 г. АНС начала контрнаступление, изгоняя правительственные войска из малых городов, таких, как Капека и Семуто.

К тому времени, когда я прибыл на встречу с Мусевени в «треугольник Луверо» [к юго-западу от Кампалы. - прим. ред.], он почти целиком находился под контролем АНС, но большинство его жителей или сбежало, или было уничтожено...

Мусевени оказался большим любителем военной истории: с явным удовольствием обсуждал боевые действия на линии Мажино, тактику Гудериана

по использованию массированных танковых атак. «Мы учимся тактике и стратегии военных действий, - говорил он мне, - у таких полководцев, как Мао Цзэдун, и даже западных генералов, например, Монтгомери и Клаузевиц».

Когда я спросил, каким военачальником он восхищается больше всего, Мусевени сказал: «Монтгомери. Он был самым успешным западным генералом, потому что у него был научный подход к ведению войны».

Мусевени довольно верно оценивал действия своих вооруженных сил с точки зрения военной науки:

«Наша тактика не отличается особой оригинальностью. Партизанскую войну вели и до нас. Что мы внесли нового, так это то, что ведем боевые действия всего лишь в нескольких милях от Кампалы, в то время как раньше считалось, что партизанские отряды должны базироваться в отдаленных, труднодоступных районах. Мы же считаем, что это совершенно не обязательно. Наши действия в непосредственной близости к столице в гораздо большей степени подрывают существующий режим, чем если бы мы это делали в отдаленных районах.

Мы не внесли ничего особенно нового в тактику партизанской войны. Важно то, что ведем эту войну без какой-либо поддержки извне, в то время как противостоящее нам правительство поддерживают многие зарубежные страны - Великобритания, Египет, Судан, Северная Корея, Танзания, Индия, ну и, конечно, Международный валютный фонд.

Я - борец за свободу, - гордо заявил Мусевени. - Я сражаюсь с оружием в руках не для того, чтобы этим зарабатывать себе на жизнь. Я стал солдатом, чтобы защитить права граждан Уганды».

Партизанский лидер всегда кажется мистической фигурой, однако Мусевени оказался весьма простым и доступным человеком. С одной стороны, очень серьезный, он обладает хорошим чувством юмора. Важно и то, что Мусевени поощряет свободное обсуждение самых спорных вопросов и поощряет выражение самых противоречивых взглядов...

Когда совсем стемнело, нам на пластмассовых тарелках подали ужин: рис, бобы и темный горький шпинат, называемый *додо*. Еду подавала Нджуба, бывший налоговый инспектор, муж которой, находясь в изгнании, изучал юриспруденцию в Папуа-Новой Гвинее. Нджуба, вообще-то, исполняла обязанности секретаря Мусевени.

На следующий день мне устроили встречу с солдатами правительственных войск, взятыми в плен во время боевых действий. Им предлагалось на выбор - либо присоединиться к партизанскому движению и остаться в лагере, либо покинуть его и вернуться домой. Как мне показалось, в разговоре со мной они чувствовали себя довольно свободно. По крайней мере, я не ощутил, что на них было заранее оказано какое-то давление.

В рассказе каждого были свои отдельные детали, но у всех было что-то общее. Рядовой Фастин Итада рассказал мне, что, направляя своих подчиненных на задание, командиры приказывали им грабить мирное население, а добытую таким образом чужую собственность делить между собой.

- Мы грабили магазины, отнимали домашнюю утварь, уводили скот. Если кто-то отказывался доб-

ровольно отдать свое имущество, их вели к реке и топили. Нам был дан приказ убивать все живое: людей, коров, собак, кур. После нас оставалась выжженная земля.

Младший капрал Уилсон Мэйтт рассказал, что его направили служить на КПП Катаби. Ежедневно офицеры давали им задание: собрать с проезжающих столько-то денег.

- Тех, кто отказывался платить или говорил, что у него нет денег, мы арестовывали и сажали в клетки. Все клетки были пронумерованы, и участь задержанного зависела от того, в какую из них он попадал. Например, из клетки № 5 живым не выходил никто. Их тела отвозили к озеру и там зарывали в землю. Однажды в июле 1982 г. мне приказали собрать за день не меньше 100 000 шиллингов. Чтобы выполнить приказ, я арестовал двух мужчин из Кении и трех женщин, приехавших из Дубая. Мы забрали все, что у них было. Я не знаю, что произошло с ними потом, но знаю, что их посадили в клетку № 5.

В этот день я наслушался столько кошмарных рассказов, что вечером долго не мог заснуть...

...На следующее утро я снова встретился с Мусевени, чтобы обсудить экономические проблемы. Одной из причин, по которой Запад так охотно поддерживал Оботе, была запущенная им в 1981 г. программа перестройки экономической структуры страны. В результате реформ шиллинг быстро обесценился, в то время как курс иностранной валюты, наоборот, резко пошел вверх. Началось массовое бегство капитала из страны.

Мусевени считал, что знает, как преодолеть возникшие трудности. По его мнению, достаточно ввести 16 различных обменных курсов, что сделает импортируемые товары первой необходимости более дешевыми, а предметы роскоши - более дорогими. Как корреспондент газеты *South's Finance*, я знал, что в конце 70-х гг. курс африканских валют был завышен не менее, чем на 40%. При этом экономика большинства африканских стран находилась в упадке. Поэтому, если исходить из официального обменного курса, цены были несуразно высокие. Это заставляло людей идти на «черный рынок», чтобы поменять национальную валюту на иностранную.

На тот момент самым правильным было бы ввести реалистический курс обмена, который сделал бы импорт менее, а экспорт более выгодным. Именно гибкая система налогообложения и субсидий могла бы гораздо лучше способствовать поощрению экспорта и ограничению импорта, чем чисто административные меры.

Мусевени не разделял мою точку зрения. Мы яростно спорили целых полтора часа. В конце концов, так и не договорившись, мы перешли к другой теме. Но наша дискуссия наглядно продемонстрировала характер мышления моего собеседника. Он задавал вопрос за вопросом, пытаясь найти слабые точки в вашей аргументации. Настойчиво продвигая свой взгляд на проблему, Мусевени внимательно слушал возражения собеседника. При этом он явно получал удовольствие от таких словесных баталий. В этом отношении Мусевени был совершенно не похож на других африканских лидеров, которые категорически не выносят тех, кто с ними не соглашается.

Характерно и то, что Мусевени ежедневно слушал вечерние программы африканской службы Би-Би-Си. Ровно в 6.15 поутру он включал свой приемник, чтобы узнать, что случилось в Африке за прошедший день. Когда передавали, что жену министра Замбии арестовали за попытку ввезти в Европу марихуану или что министр Зимбабве был уличен в попытке украсть спиртные напитки, Мусевени хватался за голову: «О, эти африканцы!» - в отчаянии восклицал он.

В день перед моим отъездом из лагеря Мусевени пригласил меня на ланч. Перед расставанием он еще раз повторил тезисы, характеризующие его основные взгляды.

«Моя идеология - патриотизм и национализм, - заявил он. По его мнению, Англия делает ошибку, поддерживая Оботе. - Англичанам следовало бы перестать поощрять междоусобную вражду в нашей стране и мешать нам добиваться полной независимости. Великобритания только выиграет от полноценного сотрудничества с Угандой и Африкой в целом».

Он настойчиво просил меня довести до сведения английского Форин Офиса те впечатления, которые я получил за время моего пребывания в лагере. Как он сказал, особенно важно, чтобы там знали: если АНС получит 1 млн патронов калибра 7,62 мм, война будет закончена. При этом добавил, что было бы неплохо получить еще и 2 тыс. автоматов «Калашников» и 2 тыс. мин для 68 мм минометов, но это не так важно, как патроны: «Если британское правительство захочет само оценить силы и возможности АНС, оно может послать своего тайного агента, которого мы будем готовы принять».

После ланча я вернулся в свою хижину, чтобы собраться в дорогу. Меня встретила худая старуха. Ее звали Марта, но все обращались к ней по кличке - Мама Чаме, «Партийная мама» (суах., *Chama* - партия. - прим. ред.). Ее считали талисманом АНС. Мне сказали, что она была единственной из всей семьи, кто уцелел во время резни, устроенной в феврале 1983 г. солдатами АНОУ. Она потеряла тогда шестерых детей, четырех братьев и мужа. Солдаты забрали все, что было в ее доме, включая 180 мешков кофе, угнали 120 голов скота. Маму Чаме обвинили в том, что ее племянники воюют на стороне партизан. Она подтвердила, что это действительно так и что ее сыновья тоже были связаны с партизанами.

- Скажите своим соотечественникам, что не надо давать оружие Оботе, - сказала она мне. - Он из этого оружия расстреливает мирное население.

Я заверил ее, что так и сделаю.

...Во второй половине дня Мусевени вышел попрощаться со мной. В знак того, что я по достоинству оценил идеалы АНС и преданность ее сторонников делу освобождения своей страны, я подарил ему компас, купленный мной на тот случай, если я вдруг потеряюсь в саванне. Мусевени несколько удивился, но подарок принял. Он пожелал мне счастливого пути, повернулся и пошел к своей хижине. Посмотрев ему вслед, я тоже повернулся и пошел в обратную сторону, в сторону Лондона...

Перевел с английского ДЕНИСОВ А.В.,
кандидат философских наук